

Содержание

Предисловие автора ко второму изданию	7
Введение	9
<i>Глава 1. Хараппский период (3000–1700 до н. э.)</i>	23
<i>Глава 2. Ведические ценности (ок. 1700–900 до н. э.)</i>	42
<i>Глава 3. Легендарная эпоха (900–520 до н. э.)</i>	62
<i>Глава 4. Дымка мифов рассеивается (520–320 до н. э.)</i>	83
<i>Глава 5. Слава династии Маурьев (320–200 до н. э.)</i>	105
<i>Глава 6. Эпоха парадоксов (200 до н. э. — 300 н. э.)</i>	128
<i>Глава 7. Золото Гуптов (ок. 300–500)</i>	154
<i>Глава 8. Властители Вселенной (500–700)</i>	181
<i>Глава 9. Дхарма и протест (700–900)</i>	206
<i>Глава 10. Натрадж, царство танца (950–1180)</i>	227
<i>Глава 11. Триумф султанов (1180–1320)</i>	254
<i>Глава 12. Другие Индии (1320–1525)</i>	285
<i>Глава 13. Создание империи Моголов (1500–1605)</i>	312
<i>Глава 14. Роскошь Великих Моголов, индийские церемонии (1605–1682)</i>	343
<i>Глава 15. От Таджа до Раджа (1682–1750)</i>	373

<i>Глава 16. Британские завоевания (1750–1820)</i>	407
<i>Глава 17. Pax Britannica (1820–1880)</i>	438
<i>Глава 18. Пробуждение нации (1880–1930)</i>	472
<i>Глава 19. Когда пробьет полночь (1930–1948)</i>	512
<i>Глава 20. Хирургическое вмешательство (1948–1965)</i>	542
<i>Глава 21. Спектр сепаратизма (1962–1972)</i>	574
<i>Глава 22. «Демоквакия» (1972–1984)</i>	602
<i>Глава 23. Внуки полуночи (1984 – н.в.)</i>	626
Приложения	
Литературные источники.....	654
Библиография.....	667
Фотоматериалы.....	717

Предисловие автора ко второму изданию

В 2000 году, когда эта книга впервые увидела свет, у меня уже бродила мысль написать продолжение, где события последних 50 лет будут изложены подробнее, чем это возможно в работе, охватывающей 5000 лет истории субконтинента. По крайней мере, такой проект напрашивался. Работая над ним, я увидел, сколь поверхностны и фрагментарны последние главы первого издания «Индии».

Но вот прошло 10 лет, и в этом новом издании я постарался исправить положение. Помимо того, что обновлен и дополнен первоначальный текст, основательно переписана глава 19, заменена глава 20, и появились новые главы 21, 22 и 23. Теперь повествование доведено до XXI столетия и сделана попытка сравнить судьбу и исследовать отношения трех государств, возникших после раздела Индии, — Пакистана, Бангладеш и, собственно, Индии.

Для любого человека в возрасте за 60 это скорее текущие события, чем история. Они касаются хорошо знакомых людей и событий, так что вызывают интерес вполне личного характера. К сожалению, их изложению недостает научного подхода, который нарабатывается лишь с течением времени в результате долгих лет исследовательской работы. Масса важных документов нам пока недоступна, ибо засекречена из соображений конфиденциальности или государственной безопасности. Например, в Пакистане доступ к государственному архиву ограничен настолько, что большинство исследований в значительной

степени опираются на документы, с которыми можно ознакомиться в других местах, в основном в США и Великобритании. Но чрезмерная зависимость от докладов и переписки иностранных дипломатов и наблюдателей может создать ложное представление о принятии решений в правящем истеблишменте Пакистана. Современная история раздроблена во всех смыслах, и новые главы в конце этой книги — не исключение.

Хочу выразить благодарность Арабелле Пайк и Мартину Редферну за возможность переиздать эту книгу, а также Эсси Казенс, Джорджи Мейсон, Питеру Джеймсу и другим сотрудникам издательства *HarperCollins*, воплотившим в жизнь эту возможность. Многие читатели любезно прислали свои замечания к первому изданию. Несмотря на то что не удалось воздать должное всем их пожеланиям, я благодарен каждому и жду их отклика на новое издание.

*Джон Кей
Аргайл
Январь 2010 г.*

Введение

Часто писать историю Индии начинают с того, что жалуются на малочисленность доступных источников. И источники эти принято считать весьма скудными и способными лишь фрагментарно осветить историю одной из древнейших цивилизаций мира. Профессор Р.Ч. Маджумдар в 1950-х годах писал: «Мы не располагаем никакими историческими текстами, написанными до XIII столетия н. э., здесь у нас гораздо меньше подробных сведений, чем о Древней Греции, Риме или Китае». Маджумдар говорил о XIII столетии, поскольку именно тогда Северная Индия попала под власть мусульман и их приверженцы постарались увековечить победу ислама. Но 80% от добрых четырех тысячелетий доисламской индийской истории оказались без исторических описаний.

«Этому недостатку трудно дать разумное объяснение, — продолжает Маджумдар, — но факт сомнений не вызывает» [1]. Если отвлечься от рациональных объяснений, то проявляется прежде всего нежелание индийцев рассматривать свою древнюю историю как академическую дисциплину. Недостаточное количество летописей и мемуаров тяжким бременем ложится на историка. Оно затрудняет реконструкцию событий прошлого и искажает их интерпретацию, превращая ее в занимательный рассказ. Почтенные читатели исторического труда предупреждены. Атракцион продолжается.

К счастью, за последние полвека ситуация значительно улучшилась. Не то чтобы на свет неожиданно явились летописи, но было

проведено множество новых исследований, и другие отрасли науки внесли свой вклад. Я был просто потрясен, узнав, сколько написано трудов по следам этих славных открытий и сделано судьбоносных выводов и находок в результате кропотливого анализа. Таким образом, недостаток документов отчасти восполнен. Исследовательский подход, как розу шипами, оживил повествование спорами, внеся неформальную атмосферу студенческого общества. История, основанная на исторических свидетельствах, выглядит вполне научно, но очень многое в изучении прошлого — даже хронология — привязано к объектам культуры и искусства (монетам, свиткам) и собирается по кусочкам из отдельных надписей, фрагментов устной традиции, письменных произведений, религиозных текстов. Поэтому ныне прежние невразумительные монографии, не опирающиеся на эти источники, придется пересмотреть.

Реконструкция прошлого на основе надежных материалов — занятие прекрасное, но не простое. Гений ученых, которые из обломков, из руин, из «кирпичиков» отдельных фраз смогли выстроить историю одной из старейших и интереснейших цивилизаций, сам по себе достоин эпических поэм. Он заслуживает отдельного повествования, и я в предыдущей книге постарался рассказать об ученых XIX века [2]. Но этот исследовательский эпос продолжается и тоже является частью истории Индии. Историческое повествование, словно каменная лестница, ведет нас в мир древних событий и героев, но и сами ступени могут многое рассказать о том времени, когда они были уложены. И когда столь многое из известного нам получено путем исследований и столь немногое — благодаря свидетельствам, было бы странно не доверять ученым, которые смогли подтвердить свои открытия. Это касается и истории Индии, и, в немалой степени, ее метаистории.

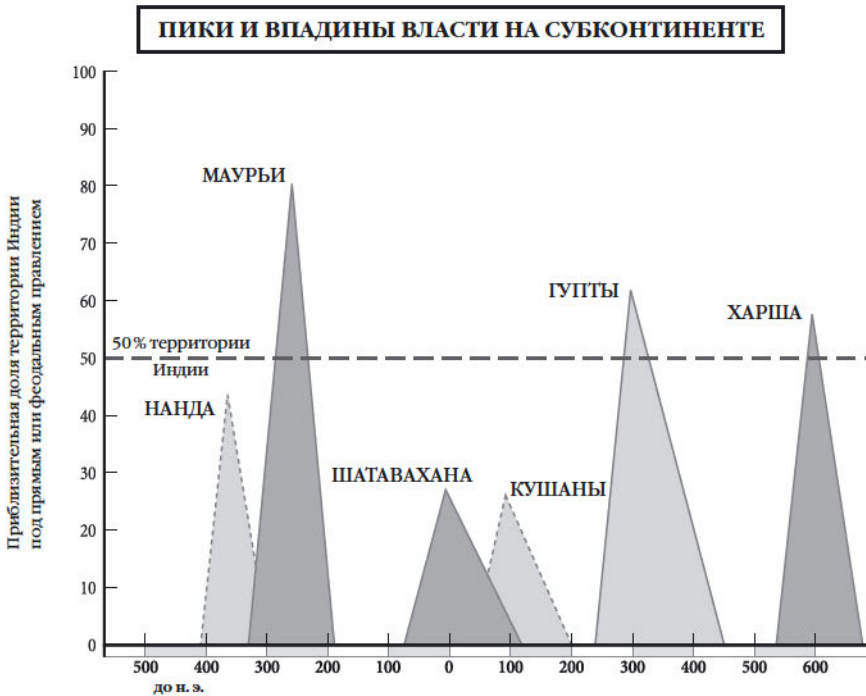
Мне понравилась идея включить в свою работу достижения смежных дисциплин — археологии, филологии, нумизматики, фонетики, истории искусства и других. Я решил, что такой подход будет более всего отвечать общему направлению. Надеюсь на сдержанное отношение скептиков к идеологическим и религиозным искажениям, которым порой подвергаются такие исследования. Надеюсь, что 30 лет постоянных исследований на субконтиненте, множество прочитанного и написанного на эту тему послужат мне оправданием. Д. Д. Косамби, наиболее вдохновенный из индийских историков, заметил, что для исследователя и интерпретатора прошлого Индии наиболее цен-

ным качеством является стремление изучать ее пешком. Он называл это полевыми работами, и название справедливо.

Поля, которые исходил Косамби, и жители, которые были им опрошены, составляют очень небольшую часть окрестностей Пуны в Махаращтре. Обладая свободой перемещения, я побывал в более примечательных местах и решил составить такую историю, которая давала бы представление о необыкновенном архитектурном наследии Индии. Лорд Керзон, наиболее жесткий из вице-королей Индии, превозносил индийские древности как «величайшее в мире созвездие памятников старины». Все, кроме тех ученых, что занимаются санскритской литературой, считают эти чудеса архитектуры и скульптуры самыми яркими историческими свидетельствами. Они вдохновили чужеземных любителей древностей на первые исследования, они и сейчас продолжают возбуждать любопытство у миллионов туристов. Для них история индийского зодчества в политическом, экономическом и идеологическом контексте может оказаться полезной.

Памятники тоже до некоторой степени компенсируют недостаток исторических текстов. О царях Тамилнада из династии Чола нам известно почти исключительно благодаря огромному храму Раджараджешвара, высоко возносящемуся посреди мощной площади монастыря. Он был построен и обставлен в Танджоре XI века. Из надписей в нем мы узнаем о славных походах Чолов и об их щедрых жертвованиях. Нам даже кое-что рассказывают об устройстве царства. И даже сам размер этого памятника и его величественность ясно говорят о значительности царства и династии. Чтобы построить и финансировать крупнейший храм Индии, Чолам потребовались ресурсы по-серьезнее, чем могла обеспечить дельта реки Кавери, где традиционно выращивали рис. Фактически, не окажись в храме надписей и не будь других источников, историки все равно могли бы с уверенностью сказать, что построило его государство, достигшее успехов в торговле и завоеваниях.

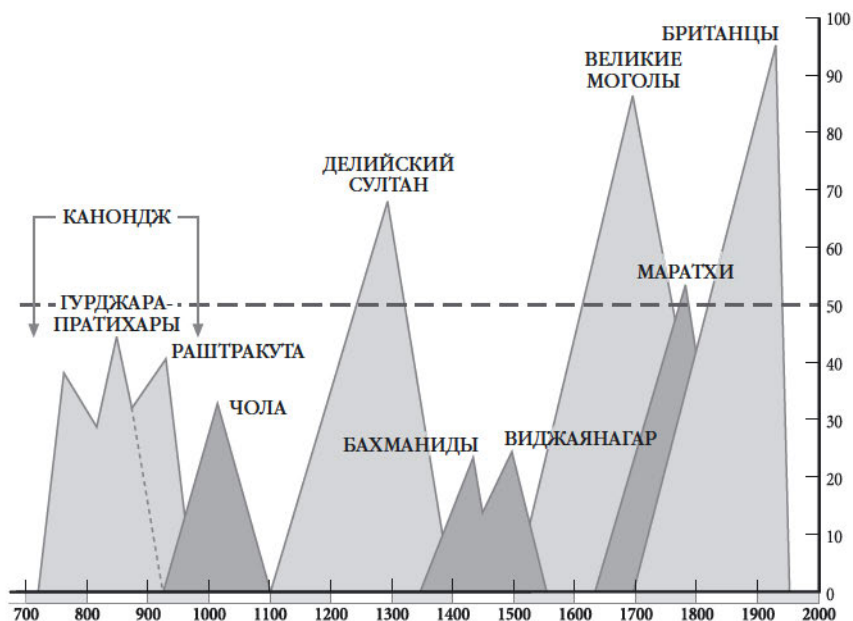
Величественные статуи и здания не только вдохновляют написание истории. Иногда они лишают такой возможности. В экономике и политике определенности немного, зато в религиозных вопросах она имеется в изобилии, поэтому индийская история порой приобретает религиозно-культурный уклон. В результате в большинстве трудов появляются целые главы, посвященные учению Будды, математическим и музыкальным теориям Древней Индии, духовным прак-

тикам. Это интересные, увлекательные темы, и они позволяют удачно навести мосты между веками, когда не хватает политических аргументов. Но бывает очень трудно оценить искажения, которые привнесло подобное отношение, скажем, в понимание древнегреческой драмы или в научное толкование европейской истории.

Существует мнение, которое, оставляя в стороне ход индийской истории, да и саму Индию, исходит из того, что вопросы культуры и религии зачастую решаются административными и военными методами под влиянием настроений момента. Я с этим не согласен. Религиозное и культурное самосознание, конечно, важно, но, по свидетельствам многих источников доисламской Индии, оно не является существенной причиной политических разногласий или конфликтов. Его влияние возрастает только в последние десятилетия британского правления. Исторически именно в Европе, а не в Индии религиозные мотивы использовались для оправдания войн и политических гонений.

Однако воспевание архитектуры еще не есть культурная история Индии и даже еще не история культов Индии. Если и возникает уклон, то в сторону хронологии, представлении о чрезвычайной ограниченности отрезка времени, о котором доступна информация. Как это

ни странно, хронология зачастую убивает вольность в интерпретации, которой отличаются все труды по истории Индии. Целые века, о которых нет достоверных сведений, складываются «в гармошку», когда сомнительные даты создания произведения опровергаются более ранними сведениями или подтверждаются более поздними. Если, как многие теперь считают, «Артхашастра» Каутильи — руководство по управлению государством, написанное «индийским Макиавелли» — была написана не в IV–III веках до н. э., то все наши представления о природе власти в «имперскую эпоху» Маурьев (320–180 гг. до н. э.) нуждаются в пересмотре. Точно так же, если Калидаса, «индийский Шекспир», жил не во время следующего «расцвета империи» (а в пользу этой версии говорят только случайные детали), то «золотой век Гуптов» (320–500 гг.) заметно тускнеет.

Анализ синхронности свидетельств эпохи в таких случаях часто дает ненадежные или противоречивые результаты. Вся индийская история искажается, когда начинают комбинировать события и источники. Интересно, что «величайшее в мире созвездие памятников старины» вовсе не сосредоточено вокруг центров власти. О династиях, простиравших свою власть на всю Индию, вроде Маурьев и Гуптов,

тоже невозможно что-то утверждать с уверенностью по современным им памятникам. Исключение представляют только новые города Дели и Агра, которые находились под патронажем султанов, Великих Моголов и британцев. Но в более ранних административных центрах, таких как Паталипутра (Патна, Бихар) или имперский Каннодж (возле Канпура, Уттар-Прадеш), осталось слишком мало свидетельств от времен великих империй Маурьев, Гуптов или Вардханов, чтобы судить о влиянии этих правителей. И напротив, можно увидеть более впечатляющие ранние храмы, добравшись в Санчи и Эллору, Канчи и Бадами — на сотни километров в глубь Центральной Индии, Декана или на юг.

Традиционно такое несовпадение между центрами власти и архитектуры объясняется тем, что мусульманские идолоборцы разрушали храмы и дворцы в столицах Северной Индии, как это происходило, в частности, в таких богатых религиозных центрах, как Варанаси и Матхура. Фактом остается лишь то, что эти центры все-таки сохранились, как и более поздние дворцы и крепости, постройка которых приписывается не столь могучим правителям, как Гупты или Харшавардхана, претендовавшим на власть над всей Индией, а более скромным династиям, а также купцам и ремесленникам, жившим под их защитой.

Эти более скромные династии, правившие по всей Индии в I и большую часть II тысячелетия н. э., нам известны в основном по надписям. К несчастью, надписи сделаны таким запутанным языком, утверждения в них содержат столько повторений и поэтических преувеличений, а цари и династии, которые в них упоминаются, столь многочисленны и так сбивают с толку, что большинство работ по истории им внимания не уделяют. В одно и то же время на субконтиненте правили от 20 до 40 династий. Попытка уместить все это венценосное многообразие под обложкой популярной книги напоминает интеллектуальный садомазохизм, и этим я заниматься не буду. Но, надеясь на снисхождение читателя, я постарался уделить внимание этим надписям и выделить тех правителей, которые нашли отражение в других источниках или прославились.

Без перечисления длинного списка династий в повествовании возникают бреши. Сжатие и отбор — прерогатива историков, но в имеющихся трудах по истории совершенно не очевидно, почему приходится жертвовать теми или иными веками в угоду «свежести

взглядов» [3]. Мой опыт написания статей и политического анализа говорит об обратном. Поскольку большинство сегодняшних «горячих» новостей завтра окажется на свалке, историк должен осторожно подходить к концепции «свежести». В этой книге я совершенно не хочу делать акценты на текущем положении дел, я нарочно их заглаживаю. Текущие дела потому и текущие, что они не завершены.

Если слишком сосредоточиться на настоящем, есть опасность потерять четкость очертаний картины прошлого. Половину этого повествования занимают события XIX–XX веков, как наиболее хорошо освещенные, но нельзя по ним судить о Древней Индии. Также нельзя сказать, что британский и постколониальный период в истории Индии более поучителен только потому, что он лучше задокументирован. Высокомерное предпочтение какого-либо одного периода истории Индии не более объективно, чем стремление рассматривать все события, ставя во главу угла связи с Европой («евроцентризм»), своеобразие Востока («востокоцентризм») или христианские ценности («христианоцентризм»). По-моему, выборочный подход делает историю ущербной. Если обкрадывать прошлое ради модных точек зрения, то в настоящем мы лишимся очарования непоследовательности, причудливых случайностей, человеческой эксцентричности, которые так оживляют сухие описания. Честная оценка рассматриваемого периода на шкале времени или пространственного расположения объекта обязательно принесет плоды.

Если шкала времени отражает продвижение истории, то место задает наклон графика, по которому она продвигается. В динамичном состоянии история несется вперед, в статичном — останавливается или даже начинает пятиться. В таких случаях мы говорим о «безвременьи». Заскочив в случайный ночной поезд и проснувшись спустя 12 часов, чтобы выпить крепкого сладкого чая и поглядеть на унылые поля, путешественник (даже индийский) может испытать некоторые трудности, пытаясь определить свое местоположение. Сельская местность в Индии поразительно однообразна. По большей части это плоская равнина. Далеким горам только подчеркивают ее плоскость. Отдельных деталей не различить. Полоску земли вдоль путей бессовестно захватывает лиловый выюнок, и блестящие дронго — черные длиннохвостые птицы — сидят на телеграфных проводах, как ноты. Это может быть Бихар, или Карнатака, или, но с тем же успехом, Бенгалия или Гуджарат. В других континентальных районах можно выделить

определенные зоны, например пустынный район Сахары в Западной Африке, сахель или леса Северной Америки имеют свой характерный вид — равнины, пустыни, горы. Весь индийский субконтинент выглядит одинаково.

Конечно, есть и исключения, обычно — крупные. Гималаи, самая выдающаяся деталь на лике Земли, надежно отгораживают субконтинент от остальной Азии. Таким же образом Западные Гаты отгораживают его от Аравийского моря. Оба эти массива считаются частью Индии: Гималаи как обитель богов, Гаты как родина воинственных маратхов. В этих горах рождаются многие индийские реки. Будто бы громадной буквой «V» они отгородили часть Южной Азии, определив место, ставшее ареной индийской истории.

Можно провести поучительное сравнение с другими субконтинентами Евразии — например Европой. Европа, за исключением территории бывшего СССР, занимает приблизительно ту же площадь, что и индийский субконтинент (более 4 000 000 квадратных километров). Но она вовсе не однообразна. Горные цепи, такие как Альпы или Пиренеи, сильно изрезанная линия берега, полузатопленный континентальный шельф, распределение площади суши по вытянутым полуостровам (Иберия, Скандинавия), отдаленные острова (Британия, Ирландия), горные анклавы (Швейцария, Шотландия). Географические очертания стремятся к разделению, изоляции, региональным отличиям. Вписанные в такие различия племена образуют народы, народы образуют государства соответственно своим территориальным различиям.

Но если европейская география стремится к фрагментации, то для Индии характерна интеграция. Здесь нет отдельных полуостровов, нет снежных хребтов, разделяющих внутреннее пространство. Несколько водоразделов почти круглый год легко пересечь. Леса, когда-то более протяженные, чем ныне, располагались сухим массивом и давали приют диким племенам и множеству отшельников, служили для жителей равнин настоящими кладовыми ценных материалов (дичь, мед, дерево, смолы). Лишь некоторые периферийные районы (Керала, Ассам) были покрыты непроходимыми тропическими лесами. Болота встречались гораздо чаще. Там, где сейчас находятся Бангладеш и индийская Западная Бенгалия, реки Ганг и Брахмапутра проходят, разбиваясь, через сеть каналов, образуя самую протяженную в мире дельту. Большая часть Бенгалии, полузатопленная и густо

покрытая лесом, стала ареной исторических событий сравнительно поздно. Но и болота служили источником ценных ресурсов и в летние месяцы нещадно использовались. Различные экологические зоны, дополняя одна другую, побуждали к сотрудничеству и обмену. Кочевники и скотоводы, странники и предсказатели, торговцы и воины могли свободно перемещаться через такую удобную страну. Казалось, она готова к интеграции и созданию империи.

Но климат решил иначе. «Индия представляет собой амальгаму разных стран и отчаянных попыток создать из нее единое целое» [4]. Как писал Фернан Бродель, только британцы смогли править всем субконтинентом. Интеграции не возникало, потому что людская масса была огромна, а население слишком многочисленно и разнолико. Но, как ни странно, делая акцент на особенностях окружающей среды, Бродель упустил более очевидное объяснение. Объединение не происходило и интеграция не возникала потому, что география была одинаковой, а вот гидрография вносила различия.

В Индии преобладают тропические температуры, и большую часть года осадки не выпадают. Значит, урожай зависит от короткого сезона юго-западных муссонов. Дожди идут в период с июля по сентябрь, причем неравномерно по территории страны. Количество осадков и степень, с которой в данной местности они могут быть усвоены, стали определяющими факторами. Там, где вода дольше всего задерживалась рельефом, сельское хозяйство развивалось, население росло, образовывались социальные группы. Там, где воды не хватало, росли редкие сухие кустарники, красовались пустые проплевшины и каменистые плато, разделяя более благополучные места поселений.

Озера, длинные реки с небольшими порогами, такие как Ганг и Инд, особенно в половодье, которое усиливалось благодаря таявшему в горах снегу, использовались для пополнения запасов воды. В Северной Индии от этих рек зависело многое, хотя на протяжении веков менялись площадь земель, которые они орошали, течение рек и даже их число. В разные временные периоды индийская история воспекает великие реки. То Инд в нижнем течении в числе Пяти рек (Пенджаб, «пандж аб»), его притоков. То Две реки (Доаб, «до аб»), область между Джамной и средним течением Ганга, в восточном Уттар-Прадеше и Бихаре.

Могучие системы рек Северной Индии известны как самые орошаемые и подходящие для земледелия зоны. И хотя этих зон было несколько, в I тысячелетии до н. э. они слились, образовав плодород-

ный коридор с плотным населением, с северо-запада, где сейчас Пакистан, до Бихара на востоке. Здесь впервые появились меновая торговля, культурное единство и политическое соперничество. Коридор превратился в широкий пояс государств-соперников, сходных идеалами, имеющих общие традиции и претендующих на превосходство. Именно так зарождалась идея всеиндийского владычества у таких строителей империй, как Маурьи, Гупты и Вардханы.

Если позволяла почва, в других реках тоже устраивались открытые водохранилища. На дальнем юге Тамилнад с наступлением ноября и еще несколько недель после прекращения дождей выглядит с высоты как сплошная зона наводнения. Там лоскутные одеяла полей устроены так хитро, что их края образуют резервуары и, прежде чем вода неизбежно высыхала или просто заканчивалась, успевает вырасти рис. Поскольку на полуострове, в отличие от севера, нет заливных лугов, для земледельческих поселков приспособили склоны Западных Гатов. Мелкие, но многочисленные, как на побережье Кералы, поля обильно орошались.

В других регионах геология позволяла запасать воду в подземных хранилищах. Ее трудолюбиво добывали из колодцев, чтобы полить ограниченный участок земли. При освоении особенно засушливых районов эта подземная вода была единственной, какую удавалось добыть. А поскольку больше половины субконтинента получает менее 80 см осадков в год, таких мест много. Ко всему пространству между западными пустынями Синда — Раджастан и засушливой частью Центральной Индии и Деканским плоскогорьем на полуострове иногда добавлялся широкий пояс, проходящий с севера на юг. Практически определение довольно нечетко, ведь даже «Декан» — скорее удобное название, чем природный объект. Кроме того, этот пояс пересекают крупные реки — Чамбал и Бетва (притоки Джамны), идущие с севера на юг, они образуют коридоры между долиной Ганга и полуостровом. Еще пустоши Индии разрезает Нармада, текущая на запад, образуя четкую границу север—юг. В истории она сыграла роль индийского Рубикона между северными районами и полуостровом. Микрзоны, в которых отмечалось наличие воды, пятнами усеивали Раджастан и Декан. В исторические времена за обладание ими боролись почти все крупные династии.

Как в лесах и болотах, в засушливых местах тоже имелось свое скудное население — кочевники, обычно воинственные и разводившие

лошадей. Засушливые области служили не столь мощными барьерами, как моря и горы Европы. Но все-таки эффект был. Барьеры вызывали разделение, увеличивали различия и со временем приводили к столкновениям интересов правителей. Так рождался великий индийский парадокс, когда страна приветствовала присоединение к какому-нибудь царству, а множество мелких правителей считали своим долгом оказать сопротивление.

В социокультурном смысле этот парадокс, вызванный климатом, выглядит еще более жестко. Он касается чувства «региональности», которое сейчас развито на субконтиненте. В благодатных, орошаемых зонах, где концентрировалось население, прирост сельскохозяйственного продукта вызывал развитие и в других сферах. Археологи отметили этот процесс по зонам распространения оружия и керамики определенного вида. Такие находки позволяли выделить орошаемые области, которые в разное время мигрировали от севера Инда до долины Ганга, Гуджарата, Малвы и до побережья Ориссы в Средней Индии. На юге наблюдалось похожее расхождение, хотя там археологических следов часто не находили. Кроме немногих изделий каменного века, история Южной Индии не показывает признаков развития вплоть до самого конца I тысячелетия до н. э.

С развитием торговли и ремесел специализация рождала конгрегацию, а конгрегация — урбанизацию. В пределах тех же благодатных анклавов появились идеологическая согласованность, социальное разделение и политические образования. Модели для каждого анклава — эффективная религия, гармоничное общество и легитимное государство — объединили элементы и императивы в набор норм, развившийся из принятых традиций индоарийского народа, который распространился по северу Индии к 1000 году до н. э. Эти индоарийцы, вероятно, были чужаками и имели сильное общество с хорошо разработанными ритуалами и универсальным и богатым средством общения в виде санскритского языка. Была ли Индия и тогда такой же открытой и однообразной, как предполагают геологи, неизвестно, но санскрит и его носители очень скоро стали в ней преобладать. Это произошло почти по всему северу Индии, но не быстро и не без компромиссов. Далее, на запад, восток, к центру Индии и Декану, процесс, неверно названный арианизацией, проходил медленнее и сопровождался такими компромиссами с местными элементами, что было бы правильнее употребить слово «гибридизация». Из этого

возникли разные языки и разные социальные группы, которые в условиях различного исторического опыта дали Индии ее региональное разнообразие, до сих пор отличающее жителей Бенгалии и Гуджарата, Пенджаба и Маратхи.

Пантеон богов и духов, почитаемых в каждой зоне или регионе, тоже образовался в процессе гибридизации. Индоарийские боги утратили свою первоначальную личность, приспособившись к местным культам. Так, повелитель Вишну обрел длинный список аватар или инкарнаций. В некоторых частях Индии этот процесс гибридизации идет до сих пор. Каждый год каждая деревня в местности Пудукоттай, в Тамилнаде, отбирает у местного гончара большую глиняную лошадь в пользу повелителя Аянара. Оседлав чудесную новую лошадку, Аянар ночью объезжает деревню, оберегая ее поля от неурожая, а жителей от оспы. Но кто такой этот Аянар? Не кто иной, как повелитель Шива, говорят нам. Общеиндийский Шива сам является сплавом различных культов, а теперь он, кажется, узурпирует роль тамильского повелителя Аянара. Но, может быть, это обратный процесс. Для местных жителей именно Аянар присвоил атрибуты Шивы.

С местными языками в Индии вышло то же, что и с богами. Язык маратхи в своей самой ранней форме употреблялся в Махараштре и имел дравидские и санскритские корни. В то же время местная форма, раннедравидская (эта языковая семья теперь представлена только на юге), как считается, была вытеснена более престижной и универсальной санскритской. Однако из этого прецедента неясно, как происходило взаимодействие местных элементов и санскритского влияния. Может быть, говорящие на санскрите беженцы в Махараштре постепенно усваивали протодравидскую грамматику? Или был какой-то другой путь?

Более ясный пример арианизации и санскритизации, доказанный сведениями из топографии, явлен в санскритской эпике. Ключевые элементы «Махабхараты» и «Рамаяны» распространились в устной традиции почти по всей Индии. К концу I тысячелетия до н. э. даже в далеком Тамилнаде знали героев Пандавов, воевавших за главенство в междуречье Ганга — Джамны, и о походе Рамы и Лакшманы из Айодхьи для освобождения госпожи Ситы. Конечно, эти истории рассказывались повсюду, и целый ряд знаменитых названий из них прижился у правителей дальних краев. Многочисленные Айодхьи, Кошалы, Матхуры и Камбоджи появились по всей Индии и особенно

в зоне индийского влияния, в Юго-Восточной Азии. Гибридизация продолжалась, как и с богами. В Карнатаке человек, пишущий на языке каннада, объяснил мне, что, несмотря на все усилия правительства Бангалора по развитию языка каннада, селяне до сих пор настаивают на том, чтобы их деревни назывались на санскритский манер для большей респектабельности и чтобы на почте было удобнее читать адреса.

Переименовывая города и предметы, некоторые цари пытались на самом деле сменить моду в соответствии с идеальными моделями санскритской литературной традиции. Правители Раштракуты в Махараштре VIII–X веков в архитектуре своего колоссального храма в Эллоре отобразили Гималаи. Храм был назван в честь Шивы, повелителя горы Кайласа (сейчас это пик в Тибете), но в нем почитаются и тибетские реки в виде чувственных богинь — госпожи Ганги и госпожи Джамны. В стремлении обладать толикой священной географии Чолы в самом деле перенесли часть воды из священного Ганга на расстояние в 2000 километров, чтобы наполнить пруды храма и каналы вокруг Танджора. Так им хотелось иметь святую землю Северной Индии в сердце Тамилнада.

География, как и история, казалась чем-то, что можно повторить. На табличках, как на Тадж-Махале, могольские падишахи постарались воплотить мусульманские представления о рае — душистая зелень, проточная вода и белый мрамор. Позднее в заросших деревьями «горных станциях» британцы воплотили собственные идеи — зеленые двускатные крыши, кладбища с воротами, дорожки с перилами и заросли фуксии. На карте появились новые названия — Аннандейл и Веллингтон. Номенклатура была цензурирована и англифицирована.

Теперь названия стали народными. Это смутное время и для посетителей Индии, и для тех, кто пишет о ней. Процесс пересмотра еще далек от завершения, шансы найти вариант произношения и названия, понятный и приемлемый для всех, очень невелики. Возможно, рискуя кого-то обидеть, я продолжаю называть Мумбай Бомбеем, Колкату — Калькуттой, а Ченнай — Мадрасом. Для неиндийцев эти названия более привычны. С другой стороны, я придерживаюсь вариантов названий Пуна, Авадх, Ганг, Пенджаб, которые могут оказаться непривычными для неиндийцев. Они, однако, довольно часто встречаются в разных исторических трудах, посвященных Южной Азии.

Для всякого, кто не знаком с санскритом и персидским языком, другой большой проблемой является транслитерация. И снова я не претендую на последовательность. В большинстве слов я сохраняю конечную санскритскую «а» (Рама, а не Рам, «Рамаяна», а не «Рамаян» и т. д.), использую букву «ч» (Чола) и «ш» для многочисленных санскритских вариантов этого звука (Вишну, Шива, Шатавахана и Шака). При внимательном прочтении читатель, несомненно, обнаружит множество недочетов, за которые ответственен почти всегда автор — не редактор. И конечно, он же отвечает за все ошибки, упущения, обобщения и упрощения, которыми изобилуют 5000 лет бурной истории.

1

Хараттский период

3000–1700 до н. э.

ВОЗДВИЖЕНИЕ ИЗ ВОД

В индуистской традиции, как, впрочем, в иудейской и христианской, начало древней истории принято отсчитывать от Великого потопа. Тайны старого мира были смыты во имя вселенской цели оставить в живых того единственного, кто станет основателем нового единообразного общества, берущего начало от одного общего предка. Точка отсчета для новых родословных.

Согласно Библии, Потоп стал следствием божественного недовольства. Бог, разгневанный неповиновением и греховностью людей, решил уничтожить свое главное творение. Только праведный Ной и его присные были признаны достойными выжить и дать человечеству новый шанс. Индийский Потоп совсем иной. Из самых ранних литературных памятников известно, что обрушившийся на жителей Индии Великий потоп имел природное происхождение. Ману — персонаж, аналогичный Ною, — пережил его только благодаря простому проявлению доброты. Странно, что общество, которое почитает богов ветра и бури, не обвинило в потопе ни одного из них.

Однажды утром, когда Ману умывался, в руки ему попала рыбка. Она опасалась больших рыб и обратилась к Ману за помощью: «Дай мне вырости, а я спасу тебя». Рыбка попросила держать ее в кувшине, затем, когда она подрастет, выкопать для нее пруд и, наконец, выпустить в море. Ману все так и сделал.

Однажды рыба предупредила Ману о надвигающемся потопе и посоветовала построить корабль и воспользоваться им, когда начнется потоп. В указанный день вода стала прибывать, и Ману вышел в море на корабле. Приплыла рыба, Ману привязал веревку к ее рогу (вероятно, это была меч-рыба) и с ее помощью быстро добрался до горы, высившейся на севере. Там рыба велела привязать корабль к дереву и сойти с него, когда спадет вода. По совету рыбы, Ману спускался с горы постепенно, по мере того как отступала вода, и этот склон в северных горах поныне зовется Манораватарнам, или Спуск Ману. А воды потопа смыли все «с трех небес», и уцелел один лишь Ману [1].

Такова самая ранняя версия Потопа, как она описана в «Шатапатхабрахмане», одном из дополнений к Ведам — священным гимнам, которые известны как одни из древнейших религиозных произведений в мире. Изложенные на классическом санскрите некоторые из Вед датируются ранее I тысячелетия до н. э. Вместе с более поздними произведениями, такими как брахманы, и двумя великими индийскими эпосами «Рамаяна» и «Махабхарата», они составляют драгоценное литературное наследие, из которого в основном и черпаются сведения об индийской истории до 500 г. до н. э.

Если говорить по существу, то предание о Ману и Потопе служило цели ввести нового предка всего человечества, а заодно рассказать о происхождении названия горы. Но следующим поколениям такая интерпретация показалась слишком скромной. С высоты прожитых тысячелетий миф, дымка истории, воспринимается как повод отыскать скрытый, более значимый смысл. Жалобы рыбки со временем превратились в санскритскую метафору, означающую анархию: «Матсья ньяя» соответствует выражению «закон джунглей» в английском языке. Получается, что как в ситуации с Ману, так и с Ноем, потоп был способом кардинально изменить и упорядочить мир. А кто же умеет улаживать дела и спасать человечество лучше, чем властелин миров Вишну? Когда составлялись Веды, Вишну был незначительным божеством, но постепенно достиг выдающегося положения, обрел статус держателя Мира и занял второе место в большой троице индуистского пантеона. Таким образом, Потоп обрел смысл перехода от хаоса к порядку через божественное вмешательство. А рыба (матсья) стала рассматриваться как первая из девяти воплощений (аватар) бога Вишну. Каким бы древним ни был миф, его всегда используют в целях сегодняшнего дня. Так происходит везде, не только в Индии.

Некоторые историки точно датируют Потоп 3102 годом до н. э. Они вычислили, что с этого года в индуистской космологии начинается современная эпоха — Кали-юга. В этот год Ману, отец нового человечества, стал его первым великим царем и законодателем. Это первая дата в индийской истории, рассчитанная с достоверной точностью, так что она заслуживает внимания.

Другие историки тоже отдают должное 3102 году, но рассматривают его не как дату Великого потопа, но как год великой войны бхаратов. Конфликт в троянском духе, возникший в окрестностях Дели, война, в которой участвовали люди и боги, навеки осталась в памяти человечества благодаря знаменитой эпической поэме «Махабхарата», состоящей примерно из 100 000 строф на санскрите, что само по себе эпично. Историки считают, что именно упомянутая война, а не Потоп, стала событием, приведшим к смене эпох. В подтверждение этой даты приводятся сложные астрономические вычисления, и, кроме того, говорят, что подтверждения можно найти в надписях, выбитых на камнях храма в Айхоле, который находится на юге индийского штата Карнатака.

Однако исследователи храма в Айхоле с этим не согласны и напоминают, что храм находится в 1600 километрах от Дели и построен примерно на 400 лет позже. Согласно генеалогии, приведенной в пуранах (более позднем собрании «древних легенд»), со времени Потопа до войны миновало 95 поколений. Новейшие строгие научные исследования свидетельствуют, что война имела место значительно позже IV тысячелетия до н. э. В 1950-х годах, в ознаменование освобождения Индии от иностранного управления и иностранной науки, вышел в свет классический многотомный труд «История и культура индийского народа», в котором утверждается, что это величайшее событие в индийской истории, ставшее сюжетом самой длинной в мире поэмы, произошло не ранее 1400 года до н. э.

Тем не менее 3102 год не дает историкам покоя. В хронологии истории Древней Индии, как это ни печально, много что вызывает сомнения, но ни одно перо не посмело перечеркнуть единственную дату, имеющую репутацию подлинной. Мысль о том, что ее можно все-таки привязать к Потопу, неожиданно получила поддержку археологов, ведущих в далеком Ираке раскопки памятников цивилизации древнего Междуречья. Там были найдены свидетельства сильного наводнения, которое поглотило шумерский город Шуруппак и достоверно датировалось концом IV тысячелетия до н. э. Год 3102 вполне подходит.

Шумерское наводнение и зарождение жизни, описанное в местном эпосе о Гильгамеше, вероятно, то же самое событие, которое легло в основу иудейского и христианского повествования о Потопе. Шумерский взгляд на Потоп во многих отношениях ближе к индийской традиции, нежели к семитской. Например, в поздних вариантах легенды рыба становится инкарнацией великого бога Вишну. Шумерское божество, ответственное за спасение человечества, тоже принимает форму рыбы. «Наблюдается удивительное сходство в деталях», — замечает Ромила Тапар [2]. Такие детали могут указывать на общее происхождение легенды, и некоторые ученые, например, та же Тапар, готовы признать культурное заимствование легенд о Ману и Ное у шумеров.

Тенденция проводить параллели событий между индийской историей и историей западных стран и даже подчинять эти события западным образцам настолько увлекает некоторых индийских историков, что они порой готовы даже отрицать любое культурное или технологическое достижение Индии, возникшее без влияния Запада, и даже стилистическую самобытность. Однако, говоря о Потопе, есть смысл отметить важный момент. пойменные долины крупных речных систем подвержены воздействию муссонов и ежегодным наводнениям, так что опыт знакомства с потопами у жителей Индии значительно богаче, чем у населения Западной Азии, и у них больше оснований испытывать страх перед такими бедствиями.

Сегодня наводнения скорее характерны для восточного побережья Индии и Бангладеш, а в бассейнах Ганга и Инда до сих пор ежегодно затопляются большие площади. Один из таких потоков, который историки датируют примерно 800 годом до н. э., разрушил город Хастинапур, который после великой войны был столицей потомков Арджуны, одного из главных действующих лиц этой войны. Поскольку затопление Хастинапура тоже описано в санскритских источниках и поскольку там сказано, что в это время город находился под властью седьмого правителя со времен войны, то саму войну можно датировать приблизительно 975 годом до н. э.

Таким образом, описанную в «Махабхарате» фантастическую битву можно отнести к трем датам: 3102 год, около 1400 и около 950 года до н. э. Допуск в пару тысячелетий великоват даже для доисторического периода. История Индии, несомненно, древняя, и здесь много места для маневра. Одно неверно переведенное слово из колоссаль-

ного, сложного и запутанного массива стихов, возможно, написанное гораздо позже того, когда слагались Веды, может вызвать катастрофическую путаницу. Точно так же и неожиданное открытие какого-нибудь неочевидного смысла может привести к тому, что многое будет пересмотрено.

Позже шумерского, но значительно раньше наводнения в Хастинанпуре произошел еще один потоп, который, следовательно, имеет хорошие шансы претендовать на место того, в котором спасся Ману. Некоторые исследователи считают, что именно он залил долину нижнего Инда на территории нынешнего Пакистана. Археологи датируют его чуть позже 2000 года до н. э. и полагают, что потоп, вероятно, был серией наводнений, которые могли произойти в результате изменения климата, тектонической активности, запруживания рек в нижнем течении с образованием внутренних озер или же в результате накопительного эффекта ежегодного заиления. Теперь трудно судить, что именно произошло. Но независимо от причин потоп стал большим бедствием для земледельцев, которые осваивали высоко продуктивное сельскохозяйственное производство, основанное на выращивании зерна на плодородной земле вдоль рек. Ключом к успеху стало умение использовать ежегодный разлив рек для орошения и удобрения полей. Высокий урожай давал излишек продукта, появлялся достаток, развивались ремесла, расширялась торговля. Поселения становились городами. В нижнем течении Инда на берегах реки и ее притоков возникла одна из первых в истории городских общественных систем, современная тем, что развивались в долине Нила и Евфрата, которая ныне претендует на роль «колыбели цивилизации».

Затем, вскоре после 2000 года до н. э., по мнению археологов, начались наводнения. Если они и не совсем смыли существовавшую в то время цивилизацию, то определенно подорвали ее. Вода и ветер слой за слоем наносили речной ил, который запруживал улицы, затапливал дома по самую крышу, из-за чего гнили деревянные постройки. Уровень грунта поднялся на 10 метров, а сверху его покрывала вода. Иногда русло менялось, и вода находила новые пути. Над городами, затаянными илом, уже другие народы пасли коз, бросали в землю семена и слагали легенды. Великая цивилизация была обречена на забвение.

Задумались о ее существовании только через 4000 лет, в конце 20-х годов XX века. И то случайно, потому что индийским и британским археологам, которые исследовали гораздо более доступные